

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ ПО-СИБИРСКИ: ДИСКУРСИВНЫЕ И НЕДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПАТРИАРХАЛЬНОГО УГНЕТЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

Соколовский Иван Ростиславович,

кандидат исторических наук,

научный сотрудник Института истории СО РАН,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0003-1718-6115

sokolowski@yandex.com

Аннотация

Положение русской и аборигенной женщины в Сибири XVII и начала XVIII в. исследовано в отечественной исторической литературе довольно слабо. Кроме статьи Н.Н. Оглобина, трудно назвать еще какие-то более или менее яркие работы, посвященные этому вопросу. Поскольку его статья вышла в 1890 г., то очевидно, что с того времени подходы к проблеме несколько изменились.

В современной историографии проблема социального осмысления половых различий рассматриваются через призму гендерной теории. Феминистический подход показал, что привилегированное положение мужчин в обществе, которое именуется «патриархатом», обеспечивается не только институтами, прямым насилием и проч., но и глубоко встроено в язык, который определяет место женщины в социальной структуре через контроль за речевыми практиками. Рассмотрение конкретного исторического материала показывает нам, как положение женщин определялось на уровне прозвищ, скрытых оценок, язвительных пословиц и поговорок, слухов и толков. В практике реальных отношений женщины очень часто оказывались полностью бесправными, лишенными даже права на распоряжение собственной судьбой и собственным телом. Особенно часто такое незавидное положение приходилось на долю аборигенной женщины, испытывавшей двойной и тройной гнет. Положение русской женщины привилегированных классов могло быть несколько лучше, она могла обладать не только большими ресурсами, но и правами.

Женщины часто использовались как инструменты мужской деятельности, шла ли речь о сложных переговорах или об исполнении воли мужчин по контролю над другими женщинами и их действиями.

Сложный и многомерный мир гендерных отношений в Сибири XVII в. не может быть исчерпан в рамках одной статьи и требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: историография, женщины, угнетение, гендер, роль, патриархат, аборигены, русские, имущество.

Библиографическое описание для цитирования:

Соколовский И.П. Интерсекциональность по-сибирски: дискурсивные и недискурсивные практики патриархального угнетения в XVII веке // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 1. – С. 108–123. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-108-123.

Жизнь женщины в Сибири XVII в. редко бывает предметом пристального изучения историков. Собственно говоря, кроме статьи Н.Н. Оглоблина «Женский вопрос в Сибири XVII в.» [15], вряд ли еще можно назвать какие-то специальные публикации на эту тему.

Проблема работы Н.Н. Оглоблина заключается в том, что группировка материала была произведена им без всякой теории, по принципу социального положения изучаемых лиц, причем предпочтение отдавалось социальному статусу лиц мужского пола. Методологией автору служил здравый смысл, который отталкивался от господствовавшей в то время православной морали, а читателю предлагалось по умолчанию осудить поступки воевод, крестьян и служилых людей. Все остальные авторы-сибиреведы писали о женщинах только в контексте. Как будет показано ниже, интересные сведения о положении женщины на крайнем Северо-Востоке Евразии собрали С.В. Бахрушин, С.А. Токарев и другие якутские историки.

Совершенно очевидно, что рассмотреть такой сложный вопрос, как положение русской и аборигенной женщины в Московском царстве, особенно в Сибири XVII в., в одной статье совершенно невозможно. Поэтому мы планируем только наметить перспективный, с нашей точки зрения, теоретический подход и проиллюстрировать его.

Нам кажется, что современные теоретические разработки, сделанные в рамках «феминизма», позволяют лучше понять события, которые происходили в XVII в. в Сибири с участием русских и аборигенных женщин. Ключевым понятием нашего анализа является понятие «интерсекциональность», т. е. предположение, что женщины очень часто оказываются на пересечении дискурсивного, гендерного и социального угнетения, особенно в тех слоях, которые являются объектом угнетения экономического, национального или политического. Более подробно об этом можно узнать в работах Кимберли Креншоу (Kimberlé Crenshaw).

Важнейшим понятием феминизма является понятие «патриархата». Чешская феминистка Иржина Смекалова-Стрикланд пишет следующее: «Если на Западе дебаты между фрейдистами и их противниками помогли

сторонником феминизма сформулировать вопрос о том, насколько глубоко проникает патриархат в индивидуальную идентичность и насколько женская и мужская идентичность могут быть закреплены в языковых и культурных стереотипах, то в нашей недавней культуре и интеллектуальной истории этот этап отсутствовал» [18, с. 376].

Важным аспектом понятия «патриархат» является понятие «риторика насилия». Речь идет о том, что гендерное и иные виды социального неравенства встроены в сами дискурсивные практики и производство дискурса уже оказывается производством насилия: «Не представляет труда незаметно перейти от выведенного Фуко понятия “риторика насилия” (порядок языка, который конституирует насилие, называют таким образом одни типы поведения и события и игнорируют другие, тем самым конструируем объекты и субъекты насилия, а следовательно, и насилие как социальный факт) к понятию языка, который сам производит насилие. Но если насилие присутствует в языке до и даже безотносительно к своим конкретным проявлениям в мире, в таком случае существует также и насилие риторики, которую Деррида назвал “насилием буквы”» [6, с. 350]. Фундаментальным в этом подходе является понимание, что «социальное, в его [Фуко] представлении, является полем сил, перекрестком практик и дискурсов, предполагающих отношения власти, группы или классы занимают нестабильные позиции, практикуя одновременно власть и сопротивление ей во взаимодействии не равноправных, а подвижных, изменчивых отношений, так как властные связи могут существовать “лишь как функция множественности точек сопротивления. Эти точки присутствуют повсюду в сети власти”» [6, с. 353]. Приведем исторические примеры того, как эти теоретические понятия помогают интерпретировать отдельные моменты и целые механизмы повседневной жизни.

Прежде всего существовала дискурсивная дегуманизация женщины. Хотя в Московском царстве не было такой «охоты на ведьм», которая в XVII в. охватила Западную Европу и часть Северной Америки, проблема приписывания женщинам негативных магических свойств, напрямую вытекавшая из патриархальной культуры, всё же была. В автобиографии Аввакума есть такой эпизод: «Привели ко мне баб бешаных (двух), и я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал и маслом мазал, и, как знаю, действовал: и бабы о Христе целоумны и здравы стали» [9, с. 308–393]. В данном случае, о чем мы еще скажем ниже, женщины были лишь орудием в конфликте двух мужчин, но их статус представлен довольно рельефно: «Сведал Пашков (который прислал к Аввакуму этих баб), что мне учинилися дочери духовныя, осердился на меня опять пуще старого, – хотел меня в огне жечь: ты де выведываешь моей тайны! А как ведьму при-

частит, не исповдывав? А не причастив бешеного: ино беса совершенно не отгонишь» [9, с. 308–393]

Важным моментом было осуждение проявления женщиной какой-либо силы, отчетливой социальной или политической позиции. Описывая свои конфликты с населением Юрьевца, Аввакум подчеркивает наличие женщин в рядах его противников, скрыто обличая такое поведение как неподобающее: «Возмущенные его обличениями, его суровую расправу с местным духовенством, которое было подчинено ему, как протопопу, его нетактичным, назойливым вмешательством в их частную жизнь, жители города, собравшись более чем тысячною толпою, сильно избili ревнителя и даже хотели совсем убить его. Сам Аввакум об этом прискорбном случае рассказывает следующее: “дьявол научил попов и мужиков и баб, – пришли к патриархову приказу, где я дела духовные делал, и, вытаща меня, из приказа собранием, – человек с тысящу или с полторы их было, – среди улицы били батажьем и топтали; а бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертво убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежал, и, ухватя меня, на лошади умчали меня в мой дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Люди же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: убить вора, бл...а сына, да и тело собакам в ров кинем! Аз же, отдохня, в третий день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве”» [9, с. 308–393].

Осуждение социальных действий и дегуманизация часто шли рука об руку. Решительные действия женщин в эпоху социальных конфликтов провоцировали мужской дискурс на наделение их сверхъестественными способностями, что потом оправдывало жестокую расправу. «В районе Темникова заметное участие в восстании принимало духовенство... Известная старица Алена, сожженная впоследствии князем Долгоруковым в срубе, действовала в Темниковском и Шацком районах и была атаманом: «ходит баба ведунья, вдова, крестьянка Темниковского уезда, Красной слободы, и собралось с ней воровских людей 600 чел.» [16, с. 309].

На примере указания на вдовство мы видим, как работает интерсекциональность. Оставшись без мужа, женщина в XVII в. испытывала едва ли не более тяжелый гнет, чем женщина в семье. Это хорошо видно, когда социальный и гендерный гнет перемешивается с гнетом национально-этническим. Внизу социальной пирамиды оказывается, разумеется, аборигенная женщина. Это напоминает нам о тех черных женщинах, на опыте которых и было выработано понятие «интерсекциональность». Например, про судьбы якутских вдов документы свидетельствуют так: «А Тимирей Батуров Тагусской волости, (...) – тот ворует и озорничает, который якут умрет, и у него что останетца скотишка какого, лошадь или корова, и он у баб

отнимает насильством, а угрожает им убийством» [25, с. 141]. Именно этим, возможно, объясняется участие вдовы в восстании и готовность предводительствовать отрядом.

Целый ряд женских социальных практик подвергся осуждению. Хотя категория женщин, занятых парамедицинской деятельностью, реально существовала: «иже держают непреподобне приводити себе на помощь и к деткам своих, мужем, презлых чаровников и баб, смывален и шептунеи» [3, с. 330]; тот, кто привечал «ведуну или шепотника, или баб богомерзких варажей, или кудесник», подлежал пожизненному отлучению от церкви» [17, с. 197]. Схожая информация есть и у В.И. Даля: «Басиха – 1) басалай, 2) лекарка, баба-шептунья (Даль)» [4, с. 26]. Заметим, что медицинские функции выполнялись пожилыми женщинами с глубокой древности. Гуго Гроций пишет: «Августин, говоря о египетских повивальных бабках, восклицает: “О глубокое чувство человечности! О благочестивый обман ради спасения живых существ”. Тех же повивальных бабок хвалит и даже верит в вечные награды им Иероним в толкованиях “На Иезекииля” (XXVII) и “На Исаяю” (LVI). То же находим у Амвросия (“К Сиагрию”, VI) и у Августина (“Против лжи”, “К Козенцию”, XV), который, как обычно, допускает колебания» [5].

Формой «мягкой» дегуманизации женщин были женские магические фигуры, например, в заговорах: «Николай чудотворец, три два девять апостолов. Сохраните, зберегите раба Божия Федота от уроков и призоров, от нутреной болезни, ото всякия скорби, от младенческой, посторонной, от колдуна-колдуницы, едуна и едуницы, от волха-волховицы, от схимной схимницы, от девки-простоволоски, от бабы-белоголовки, от чернова-черемнова, от краснова, от рыжева, от беловолосова-черноволосова, кто зубами сероват – без зубов серовит, волосом сероват – без волос серовит, от роду – от племени, от отца – от матери, от брата – от сестры, от дяди – от тетки, от леснова – от воденова» [22, с. 607–608].

Важнейшей формой социального контроля является контроль дискурсивный. Даже уход в монастырь не спасал женщину от насмешек, направленных на поддержание патриархального господства. Как писали об этом советские исследователи, «народ образно подчеркивает основную черту служителей культа – их тунеядство (“попам да клопам жить добро”), разврат и пьянство монахов (“пойду в монастырь жити, где чернецов пусто, а баб густо”, “игуменья за чарку, а сестры за ковши”» [16, с. 596].

Формой контроля над дискурсом были прозвища, которые негативно оценивали отдельные качества характера или физические характеристики женщин. Например, «чечет, чечетка – 1) пташка, 2) болтливая баба (Даль)» [4, с. 354], т. е. разговорчивость женщины осуждалась. Еще более сильный вариант: «Варгас – крик, вздор; переносное – бестолковый крикун;

вар-гасья – крикливая баба» [4, с. 62]; «будара (байдара) – 1) лодка, 2) верзила, рослая нескладная баба» [4, с. 52], Осуждалась и физическая сила женщин. Они должны были быть «слабым полом», чтобы не бросать вызов мужскому доминированию: «Рында – 1) телохранитель великих князей и царей, 2) кляча, 3) верзила, 4) сухопарая баба (Даль)» [4, с. 274]. Осуждалась хуоба женщины, ее неопрятность, неспособность выполнять работу по дому: «бабалька – неряха, неопрятная женщина (Даль)» [4, с. 41]. Осуждалось депрессивное настроение женщины: «кувяка – 1) кувалда, 2) непропеченое тесто, 3) баба-плакса (Даль)» [4, с. 167].

Через дискурс навязывался определенный образ тела и социальной роли женщины. Пословицы, прозвища, поговорки выполняли ту социальную функцию, которую в эпоху модерна переняли модные журналы. Женщина должна была быть опрятной, невысокой, в меру упитанной, должна была спокойно сносить все тяготы своей нелегкой доли и всеми силами обслуживать патриархальное господство.

Мужчину унижало не только уподобление женщине, но и всякая связь с женским началом. Женский образ мог получать негативное истолкование в конфликтах между мужчинами, изображая нечто профанное, противостоящее сакральному: «16 марта 1650 г. (...) в полночь, на двор к Петру Стеншину явился Никита Агапитов (...) и стал требовать, чтоб Стеншин пустил его “к себе на очи”, он мог ему поведать про бывшее ему “сонное виденье”: “приходил де к нему, Никитке, Спас трою ночью, не дает де Спас спати: стань де Никитка, поведай в мире”. В ответ «люди Стеншина смеялись над ним: “не Спас де тебе, Никитке, трою явился во сне, явилась де тебе, Никитке, трою во сне баба якутская, будет де тебе, Никитке, кнут!” – и прибавляли, что ему следовало бы, во всяком случае, сперва пойти к воеводе и “обвещать” про виденье: “битый де ты, Никитка, человек, будет де тебе кнут”. Трижды приходил Агапитов к Стеншину и, наконец, сам достукался до дьяка, и в сенях, в темноте, поведал ему свое виденье. Стеншин приказал ему сказать про сон его духовному отцу черному попу Перфирию и торговым людям» [25, с. 250].

Однако, как уже было сказано выше, социальная реальность не является раз и навсегда зафиксированной, застывшей и монолитной, поэтому в некоторых значимых ситуациях женщина была достаточно свободна. Вот история от 1737 г., рассказанная Н.Н. Покровским: «Во время беседы с С. Лыковым и другим его жильцом, вологодским посадским И.В. Колотильщиковым, Иван сказал, “что приходит де ему, Маладавкину, на мысль, чтоб ему жить блудно з девками и з бабами, да не знает де он, где такова человека найти, кто б ему мог зделать, дабы ево, Молодавкина, девки и бабы любили”» [17, с. 173]. Мы видим, что за женщиной остается некоторая свобода выбора и собственная воля, для преодоле-

ния которой герой рассказа хотел прибегнуть к магии (сюжет для XVII в. весьма распространенный).

Осуждалась, впрочем, и чрезмерная эксплуатация женщин. Так, «про промышленного человека Филипа Рыбкина юкагиры говорили, что он “в надокухах и в сумах и в мешках бабьих у жен наших и у детей всякое гарно подсмолит. И что полюбитца, то и возьмет”» [25, с. 351] – т. е. осуждалось, что он грабил женщин и детей. Подобный же мотив слышен в заявлениях якутов: «Борогонский тойон Книга говорил по этому поводу другим тойонам: “Теперь де пишут, а нас де лутчих людей хотят ковать, чипей (цепей) жать, в казенки, а иных де лутчих людей хотят себе в холопи имать, а худых де якутов и старых и баб старых хотят убивать”. Намский тойон Курдегас говорил: “Скот де наш пишут, а нас де лутчих людей хотят ковать, чипей (цепей) де у них наковано бочка, и в казенку де нас хотят сажать, а скот, де наш делить хотят по себе”» [25, с. 290]. Однако возможно, что женщины рассматриваются тут как *ресурс*, в том числе символический.

В полном соответствии с теорией «интерсекциональности» особенно тяжелым было положение женщин, бывших в крепостной зависимости. Например, в Илимских документах есть упоминания про «крепостную бабу» Матрону 40 лет и «девку» Вассу 50 лет [22, с. 284]. В другом месте упоминается «дворовая баба», видимо, ненужная своему хозяину, которая «дала обязательство жить у посадского человека 5 лет за 20 рублей» [23, с. 499]. Подобные практики сохранялись и в XVIII в. «В двух делах Илимского воеводства (Россыпь, № 14, св. 2 и № 30, св. 4) имеется одна и та же запись о покупке бабы: “Генваря в 13 день (1711 года) писана купчая и поступная запись Туруханского уезду, Курейского зимовья, Бояршина роду тунгусу Агиул Чюпахин, что дал запись илимскому атаману казачью Ивану Березовскому на купленную свою бабу тунгуской породы Маюк, по руски Парасковью, что взял за нее денег у него 10 рублей. И с сей покупной записи за письмо 8 копеек взято”» [22, с. 561]. Подобная практика сохранялась и позднее: «В марте 1734 года илимская воеводская канцелярия приняла к судебному производству заявление отставного служилого Леонтея Микляева, что он купил у ясачного иноземца Бакулова “купленную ево калымную бабу”, а Бакулов “бабы” не отдал» [23, с. 500].

Положение аборигенной женщины было еще более горьким. На воеводском суде якут-ответчик «возражал: “В нашей де орде, – заявил ответчик, – у нашей братьи якутов, как покупаем друг у друга холопей мужиков и баб и девок и ребят, и приданных даемса емлем, а купчих и никаких писмянных крепостей на холопей до сего числа промеж нами не было”» [25, с. 154]. «В общем заявлении якута Тагыра о работоторговле говорится: “холопей мужиков и баб и девок и ребят”» [25, с. 154].

Работоторговля создавала довольно сложные конфигурации в отношениях русских казаков и аборигенов: «Кроме того, тунгусы показали Папкову, что курейские казаки и служилые люди просили у них на зиму баб и девок, обещаясь не брать с них за это ясак» [22, с. 566]. Чтобы государеву делу не учинилась «поруха», воеводы выступали категорически против участия служилых в аборигенной работоторговле: «со своей стороны воеводы наказывали служилым людям “насильства никакого не чинить и никаких девок и робят и баб у ясачных людей не покупать и не подговаривать и в Якутцкой не вывозить”» [25, с. 154]. И всё же бедность толкала на продажу в рабство даже своих собственных детей: «Якутская баба Тынырак, – читаем в деле о продаже якутской девушки русскому, – той девки мать, сказала: живала в Туматцкой волости, у неясачного (мужика), а муж ее Титяк Теганин был балыкса, а как муж ее пропал, тому лет с 8, и ту дочь свою Мыник продала, потому что кормить в бедности нечем» [25, с. 128]. Подобная же история могла произойти и с женой аборигена: «Ответчик, вызванный в суд, по этому поводу заявил: “Бил де и увечил он Тохтогой тое мою дочь, из двора от себя збил, и она де, баба, прибегла к нему Кече, и он де Кеча отдал тое свою дочь Моторе за старый свой долг”» [25, с. 116].

Работоторговля была не единственным вариантом отношений. Аборигенная женщина могла попасть в русское общество посредством брака: «Игумен Феодосии Селенгинского Троицкого монастыря сообщал в 1693 г., что монастырские трудники из вольных гулящих людей, поженившись на “иноземных бабах”, взяли у монастыря ссуду для устройства своих земледельческих хозяйств. В начале второй четверти XVIII в. Селенгинский монастырь уже владел деревнями: Темлюй, Буй, Куналей, Елань, Клименной, Кокуй, Бодаро-Благовещенской, Хилоцкой и Кокуинской» [24, с. 220]. Возможно, продажа всё же была, но потом рабство трансформировалось в брак, что, конечно, несколько лучше защищало женщину и давало ей более высокий социальный статус [7].

Однако, отношения с русскими казаками не обязательно создавали достаточную социальную защищенность женщинам. Встречались и случаи сожительства с аборигенными женщинами без брака. В 1641 г. служилый человек Нестерко Дмитриев Барабанской ходатайствовал: «пожалуй, государь, в Ленском остроге черному попу Симionу з братьею парнечка моево, прижитого с якутцкою бабою, окрестить и в православную веру привести» [25, с. 408]. Другой случай – обвинения в якутском деле 1650 г. «Но, вместе с тем, он посмотрел в трапезу, “есть ли де служилые люди”, и, увидев несколько из них, распорядился: “посадите де того Микиту в тюрьму, что де он вмещает такое дело, Спасово виденье! Сам де ты, Микита, воруюешь, некрещеные бабы на постели у себя держишь”» [25, с. 250–251]. Или, как на-

писано по другому случаю, «чужи де они христианства, что живут де беззаконством, держат у себя на постели некрещеные бабь» [25, с. 251].

Женщины из низких социальных слоев попадали в фокус мужского внимания, когда оказывались важными свидетелями. Вот рассказ «отбитой у коряков якутской бабы Федота Алексеева», проливающий свет на судьбу землепроходцев: «И та баба сказывала, что де Федот и служилый человек Герасим Анкидинов померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди, и побежали с одною душою, не знаю де куда» [14, с. 296].

Обратной стороной «интерсекциональности» является тот факт, что богатые и лично свободные женщины могли жить совершенно другой жизнью [2]. Они могли, например, не только получать имущество по наследству, но и свободно распоряжаться им по завещанию: «А сестру свою Екатерину по возрасту ея выдать замуж, присмотра доброго человека, с совету оных наших вышешоказанных сродников. И за нею приданого определить по духовной бабки вашей родной, а моей жены, Анны Семеновы дочери, все что ни есть из алмазных из других вещей» [11, с. 202]. Или другой пример: «А показанные пятьсот рублей отдать ему, внуку моему, матери своей со благовременным временем и очистить приказные доимки еще оставшие после смерти жены, Анны Семеновы дочери, а вашей бабки» [11, с. 202]. По этому завещанию «единственному продолжателю рода Филатьевых “гостиному внуку” Петру Дмитриевичу, благодаря полученному от деда Алексея Остафьевича и бабки Анны Семеновны наследству, удалось сохранить видное положение...» [11, с. 191], а «С. Киреева получила в качестве приданого платье, посуду, алмазные и жемчужные изделия своей бабки» [11, с. 192]. Хотя это не значит, что максимально избавленная от социального и экономического гнета эта женщина не могла быть объектом гендерного патриархального угнетения.

Другой пример – встречавшееся в русском обществе расширение земельных владений за счет брака: «Нельзя также исключить и возможности того, что село могло попасть в род в качестве приданного за Ириной Тучковой-Морозовой, женой Юрия Захарьина, которая приходилась бабкой Ивану Михайловичу» [21, с. 30]. В более раннюю эпоху часть наследства могла быть роздана «для памяти»: «Волынский князь Владимир Василькович “мониста великая золотая бабы своей и матери своей все поля в гривны” для раздачи милостыни» [21, с. 30]. И еще «времени ж(е) многу минувшу по преставлении с(вя)тыя кн(я)гини Ольги, бл(а)ж(е)нныи ж(е) великии кн(я)зь Владимир воспомяну о мощех с(вя)тыя бабы своя, великиа княгини Ольги, и сам прииде с митрополитом, и со всем с(вя)щенным собором» [10].

Женщина могла даже упоминаться как участник земельной сделки: «Князь Александр Михайлович дал село Остромерское “куплю деда своего

князя великого Ярослава Пронского и бабы своей княгини Феодоры”, “святым мучеником Борису и Глебу и отцу своему владыке Георгию”» [1, с. 17].

Такая яркая социальная поляризация создавала промежуточные группы населения, которые, будучи сами слабыми и бесправными, держались в тени сильных персон и получали от них покровительство за те или иные действия: «Он держал сонм бабок и вдов, запутанных им и слепо выполнявших любое повеление десятильника и всегда готовых к лжесвидетельству» [20, с. 365].

Женщина, особенно аборигенная, могла представлять мужские интересы на каких-то важных переговорах, куда сами мужчины не решались явиться. «14 марта бетунские тойоны прислали к воеводе свою “улусную” бабу Бычей для переговоров. “Прислали де меня бетунские князцы Ортуй да Чегунай да Базарак, – сказала она, – и велели де говорить тоену (воеводе), будет де тоен добр, и он бы де к нам прислал якутов Юдуна шамана или Сыгынактака шамана”» [25, с. 295]. К этому рассказу примыкает история о столкновениях дауров с гиляками: «а побили их обманом; были у них в стругах в однодеревных в гребцах бабы, а они сами человек по сту и осьмьюдесят лежали меж тех баб и как пригребли к тем гилякам и вышед из судов, а тех гиляков так и побили» [14, с. 286].

Двойственный статус женщины как объекта мужской власти и как ее же орудия прослеживается в истории, которая приводится Н.Н. Оглоблиным: «Чтобы не допустить сожительства их, велено было отправить несчастную Анну из Нарыма в Тобольск и отдать на попечение живущей там ее бабке, жене Черкаса Рукина» [15, с. 205].

Было бы неосмотрительно делать вывод, что женщины из высших классов оказывались полностью равноправными с мужчинами. В каких-то случаях женщине из высших классов общества могли приписывать влияние на политические процессы и осуждать это: «Виновицей их московские горожане считали бабку великого князя, незадолго перед тем ставшего царем, Ивана IV – Анну» [8, с. 192].

К тому же женщины из любых слоев общества могли быть подвергнуты наказанию и опущены в самый низ социальной лестницы, где угнетение становилось максимально многофакторным. В XVII и XVIII вв. сохранялась практика наказания женщин ссылкой в Сибирь или на мануфактуры за государственные или уголовные преступления: «А баб и девок, который в государственных делах», отсылать на мануфактурные прядильные дворы с той же платой [23, с. 604]. Или, например, такое: «В июле 1735 года из Енисейска прибывает партия ссыльных в составе 44 человек, в том числе 12 – девки да бабы» [23, с. 401].

Всё, что мы говорили выше о практиках доминирования, относится к мирному времени. Положение женщины во время военных действий ста-

новилось вообще невыносимым. Приведем несколько примеров из ранней истории Сибири. Во время столкновения казаков с пельымскими князьями аборигенные «мужики на бой», «а жены их и детин свезены в расстояние на Конду реку, в урочище неприступное», «промчесь слых о Ермаке и о языцех во всю Сибирскую страну, и нападе Божий страх на вся живущие бусурманы во всей страны той (...) По нем же начата приходити всегда воблизу живущие Татаровя с женами и с детмя и с родичи, дающе дань». «И проплыша до (...) Нарымскаго городка, а в городке точию жены их и дети и от страха омертвеша, плача, крича и бегая. ...вечеру приходяще един по единому, оглядаяся и видя, яко не бьютъ жен их и детей, точию ласкаясь». «Кучюм же от убиения с прочими не со многими Татары, и с женами и с детми своими, от ... рати русской утече на калмытской рубеж» («Ремезовская летопись», статьи 52, 71, 77, 129). Паника, неоднократно описанная в летописи, понятна, многих в случаях поражения ждала смерть или, на худой конец, плен, пусть даже и почетный. «Из Тары, из Тобольски, полон домовых Кучюмовых детей 3 сыновей, 2 дочери и 6 жен послаша к Москве со служилыми людьми воевода Ефим Варфоломеевич Бутурлин» («Ремезовская летопись», статья 131) [13]. Понятно, что не все военные действия заканчивались для жен и детей побежденных так безболезненно, как поражение Кучума.

Мужчин не смущали даже комические ситуации, к которым приводило их социальное доминирование в тех вопросах, где они ничего не смыслили и которые являлись традиционной прерогативой женщин. Несмотря на постепенное улучшение жизни женщин, общее негативное отношение к ним (в лучшем случае – недооценка) проявляется даже у просветителей конца XVIII в. «А.Н. Радищев в “Письме о китайском торге” (1792 г.) отмечал, что ткачество не было широко распространено в Сибири и “многие бабы стали учиться с недавних лет прясть”» [12, с. 62–79], хотя археологические данные показывают, что русская женщина в Сибири пряла, начиная с XVI в. [19].

Современная теория социального измерения гендера является довольно сложной конструкцией, но даже если взять из ее арсенала только три понятия: «интерсекциональность», «патриархат» и «риторика насилия», то мы получим интересную многомерную картину положения русской и аборигенной женщины в Сибири XVII в. в контексте русской культуры и Московского государства. Разделение пройдет не столько по этническим, сколько по гендерным и социальным границам. В высших классах женщины имели несколько больше имущественных прав, чем в низших, где женщина часто утрачивала даже право распоряжаться собственным телом. Кроме того, женщины занимали промежуточную позицию между мужскими центрами силы или использовались ими как орудия.

Литература

1. *Алексеев Ю.Г.* К вопросу о судебном иммунитете в княжеских грамотах XII–XIV вв. // *Очерки феодальной России*. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – Вып. 8. – С. 10–28.
2. *Бошкова Н.* Правовое положение женщины в России в XVII веке // *Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра (материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда 1908 года), 21–23 марта 2008 г.* Санкт-Петербург. – СПб.: Алетей, 2008. – С. 34–38.
3. *Булычев Л.А.* Ответ энергичному критику, или опыт авторецензии (по поводу «размышлений» К.Ю. Ерусалимского) // *Очерки феодальной России*. – М.: Едиториал УРСС, 2012. – Вып. 15. – С. 324–369.
4. *Веселовский С.Б.* Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
5. *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М.: Госюриздат, 1956. – 868 с.
6. *Лауретис Т. де.* Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера // *Антология гендерной теории*. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 347–373.
7. Древние церковные грамоты Восточно-сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные Миссионером Архимандритом Мелетием ... миссии святейшего патриарха Иоакима. – Казань: Унив. Тип., 1875. – 199 с.
8. *Зайцев П.В.* Астраханское ханство. – 2-е изд, испр. – М.: Восточная литература, 2006. – 303 с.
9. *Кантрев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1–2. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
10. *Карпов А.Ю.* Жизнь княгини Ольги в редакции псковского книжника Василия (в иночестве Варлаама) // *Очерки феодальной России*. – М., 2003. – Вып. 7. – С. 66–88.
11. *Козлова Н.В.* Духовные гостей Михаила Шорина (1711 г.) и Алексея Филатьева (1731 г.) // *Очерки феодальной России*. – М., 2001. – Вып. 5. – С. 188–203.
12. *Копылов Д.П.* Развитие городской и сельской промышленности Сибири в связи с ее колонизацией в XVIII в. // *История городов Сибири*. – Новосибирск, 1977. – С. 62–79.
13. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / под ред. А. Зоста. – СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского и Ко, 1880. – 92 с.
14. *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. В 5 т. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). – М.: Просвещение, 1975. – 394 с.
15. *Оглоблин Н.Н.* Женский вопрос в Сибири XVII в. // *Исторический вестник*. – 1890. – № 7. – С. 196–207.
16. *Очерки истории СССР*. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 947 с.
17. *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. – 3-е изд., доп. и перераб. – Новосибирск: Сова, 2005. – 344 с.

18. *Смекалова-Стрикланд П.* Нужен ли феминизм чешским женщинам? Перспективы феминистской теории и практики в Чехословакии // Антология гендерной теории. – Минск: ПроPILEI, 2000. – С. 373–383.
19. *Сутула А.В.* Ткани Мангазеи XVII в. как источник для реконструкции ткацких традиций: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2009. – 400 с.
20. *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. – М.: Наука, 1972. – 392 с.
21. *Чернов С.З.* Землевание волости Бели Радонежского удела // Очерки феодальной России. – М., 2000. – Вып. 4. – С. 20–70.
22. *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – 2-е изд. – Иркутск, 2001. – 673 с.
23. *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 2-е изд. – Иркутск, 2001. – 675 с.
24. *Шунков В.П.* Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 432 с.
25. Якутия в XVII веке (Очерки) / под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1953. – 439 с.

Статья поступила в редакцию 25.11.2019.

Статья прошла рецензирование 21.12.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-108-123

**SIBERIAN INTERSECTIONALITY:
DISCURSIVE AND NON-DISCURSIVE PRACTICES
OF PATRIARCHAL OPPRESSION
IN THE XVII CENTURY**

Sokolovsky Ivan,
Cand. of Sc. (History),
Researcher, Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1718-6115
sokolowski@yandex.ru

Abstract

The social situation of the Russian and aboriginal women in Siberia in the XVII and beginning of the XVIII centuries is covered in the domestic historical literature rather poorly. One can hardly name any more or less bright works devoted to this issue but the article by N.N. Ogloblin. This article was published in 1890. Since that time the approaches to the issue have been changed. In modern historiography, the problem of social understanding of gender differences is viewed through the prism of gender theory. The feminist approach shows that the privileged position of men in society, which is called “patriarchy”, is provided not only by institutions, direct violence, etc., but also deeply embedded in the language speech practices that determine the place of women in the social structure. The author considers specific historical material showing the position of women reflected in nicknames, hidden ratings, stinging proverbs and sayings, rumors and interpretations. Analyzing the practice of real relations, it often turned out that women were completely powerless, even deprived of the right to dispose their own destinies and their own bodies. The situation was even worse with the aboriginal women, who experienced double and triple oppression. The position of the Russian women of the privileged classes could have been somewhat better, she might have had not only more resources, but also rights.

Women were often used as tools for male activities, they were dealing with difficult negotiations or carrying out men’s will to control other women and their actions.

A single article can’t embrace the complex and multidimensional world of gender relations in Siberia in the XVII century. It requires further studies.

Keywords: historiography, women, oppression, gender, role, patriarchy, aborigines, Russians, property.

Bibliographic description for citation:

Sokolovsky I. Siberian Intersectionality: Discursive and Non-Discursive Practices of Patriarchal Oppression in the XVII century. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, pt. 1, pp. 108–123. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-108-123.

References

1. Alekseev Yu.G. K voprosu o sudebnom immunitete v knyazheskikh gramotakh XII–XIV vv. [On the Issue of Judicial Immunity in Princely Letters of the XII–XIV Centuries]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on feudal Russia]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, iss. 8, pp. 10–28.
2. Boshkovska N. [The Legal Status of Women in Russia in the 17th century]. *Pravovoe polozenie zhenshchin v Rossii: vchera, segodnya, zavtra (materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda 1908 goda)* [The legal status of women in Russia: yesterday, today, tomorrow (Materials of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the First All-Russian Women's Congress in 1908)]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2008, pp. 34–38.
3. Bulychev L.A. Otvet energichnomu kritiku, ili opyt avtoretsenzii (po povodu "razmyshlenii" K.Yu. Erusalimskogo) [The Answer to the Energetic Critic or the Experience of Autoreviews (Regarding the "Reflections" of K.Yu. Erusalimsky)]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2012, iss. 15, pp. 324–369.
4. Veselovskii S.B. *Onomastikon: drevnerusskie imena, prozvischa i familii* [Onomasticon: Old Russian Names, Nicknames and Surnames.] Moscow, Nauka Publ., 1974. 382 p.
5. Grotius H. *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow, 1956. 868 p.
6. Lauretis T. de. The violence of rhetoric: Considerations on representation and gender. *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk, Propilei Publ., 2000, pp. 347–373. (In Russian).
7. Meletii Yakimov. *Drevnie tserkovnye gramoty Vostochno-sibirskogo kraya (1653–1726) i svedeniya o Daur'skoi missii, sobrannye Missionerom Arkhimandritom Meletiem ... missii svyateishogo patriarkha Ioakima* [Ancient Church Letters of the East Siberian Territory (1653–1726) and Information about the Daurian Mission, Collected by the Missionary Archimandrite Meletius: With ... the Mission of His Holiness Patriarch Joachim]. Kazan', University Publ., 1875. 199 p.
8. Zaitsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [Astrakhan Khanate]. 2nd ed. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2006. 303 p.
9. Kapterev N.F. *Patriarkh Nikon i tsar' Aleksei Mikhailovich*. T. 1–2 [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich. Vol. 1–2]. Moscow, Valaam Monastery Publ., 1996.
10. Karpov A.Yu. Zhitie knyagini Ol'gi v redaktsii pskovskogo knizhnika Vasiliya (v inochestve Varlaama) [Life of Princess Olga as Described by the Pskov Scribe Vasily (in Monasticism of Varlaam)]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow, 2003, iss. 7, pp. 66–88.
11. Kozlova N.V. Dukhovnye gostei Mikhaila Shorina (1711 g.) i Alekseya Filat'eva (1731 g.) [The Spiritual Guests of Mikhail Shorin (1711) and Alexei Filatiev (1731)]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow, 2001, iss. 5, pp. 188–203.
12. Kopylov D.I. Razvitie gorodskoi i sel'skoi promyshlennosti Sibiri v svyazi s ee kolonizatsiei v XVIII v. [Development of Urban and Rural Industry of Siberia in Con-

nection with its Colonization in the XVIII Century]. *Istoriya gorodov Sibiri* [History of Siberian Cities]. Novosibirsk, 1977, pp. 62–79.

13. Zost A., ed. *Kratkaya sibirskaya letopis' (Kungurskaya) so 154 risunkami* [Brief Siberian Chronicle (Kungurskaya) with 154 Drawings]. St. Petersburg, F.G. Eleonskii Publ., 1880. 92 p.

14. Magidovich I.P. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii*. V 5 t. T. 2. *Velikie geograficheskie otkrytiya (konets XV – sredina XVII v.)* [Essays on the History of Geographical Discoveries. In 5 vols. Vol. 2. Great Geographical Discoveries (Late 15th – Mid 17th Century)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 394 p.

15. Ogloblin N.N. Zhenskii vopros v Sibiri XVII v. [Women's Issue in Siberia of the 17th Century]. *Istoricheskii vestnik = Historical Reporter*, 1890, no. 7, pp. 196–207.

16. *Ocherki istorii SSSR* [Essays on the History of the USSR]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1955. 947 p.

17. Pokrovskii N.N. *Puteshestvie za redkimi knigami* [Traveling for Rare Books]. Novosibirsk, Sova Publ., 2005. 344 p.

18. Smekalova-Strikland I. Nuzhen li feminizm cheshskim zhenshchinam? Perspektivy feministkoi teorii i praktiki v Chekhoslovakii [Do Czech Women Need Feminism? Prospects for Feminist Theory and Practice in Czechoslovakia]. *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of Gender Theory]. Minsk, Propilei Publ., 2000, pp. 373–383.

19. Sutula A.V. *Tkani Mangazeyi XVII v. kak istochnik dlya rekonstruktsii tkatskikh traditsii*. DEiss. kand. ist. nauk [Mangazeya Fabrics of the XVII Century. as a Source for the Reconstruction of Weaving Traditions. PhD historical sci. diss.]. Novosibirsk, 2009. 400 p.

20. Preobrazhenskii A.A. *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII v.* [Ural and Western Siberia at the End of 16th – beginning of 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 392 p.

21. Chernov S.Z. Zemlevladienie volosti Beli Radonezhskogo udela [Land Tenure of Beli Volost of the Radonezh Inheritance]. *Ocherki feodal'noi Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow, 2000, iss. 4, pp. 20–70.

22. Sherstoboyev V.N. Ilimskaya pashnya. T. 1. Pashnya Ilimskogo voyevodstva XVII i nachala XVIII veka [Ilim arable land. V. 1. Arable land of the Ilim Voivodeship of the 17th and early 18th centuries]. Irkutsk, 2001. 673 p.

23. Sherstoboev V.N. *Ilimskaya pashnya*. T. 2. *Ilimskii kraj vo II–IV chetvertyakh XVIII veka* [Ilim Arable Land. Vol. 2. The Ilim Region in the II–IV Quarters of 18th Century]. 2nd ed. Irkutsk, 2001. 675 p.

24. Shunkov V.I. *Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri XVII v.* [Essays on the History of Agriculture in Siberia of the 17th Century]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956. 432 p.

25. Bakhrushin S.V., Tokarev S.A., ed. *Yakutiya v XVII veke (Ocherki)* [Yakutia in the 17th Century (Essays)]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1953. 439 p.

The article was received on 25.11.2019.

The article was reviewed on 21.12.2019.